

ОН ПРАВИТ СТРАХОМ.
ОНА - ЕГО ИСКУШЕНИЕ.

Тира Мису

ЗАЯВЛЕНИЕ
НА РАБОТУ

ГЛАВА
ГРУППИРОВКИ

НЕОПЫТНАЯ
Тышка

В ПОСТЕЛИ
МАФИОЗИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тира Мису

**Неопытная пышка
в постели мафиози**

«Автор»

2026

Мису Т.

Неопытная пышка в постели мафиози / Т. Мису — «Автор»,
2026

Он проиграл в покер — и друзья в отместку подсунули ему горничной на месяц толстую деревенскую девчонку. Он в ярости. Он издевается, шпыняет, ждёт, что Даша сбежит через три дня. Но она молчит, сжимает зубы и работает. А ещё — готовит так, что сносит крышу. И огрызается так метко, что мафиози впервые в жизни проникается уважением. А потом и желанием. Только вот неопытная пышка совсем не горит желанием прыгнуть к нему в постель.

© Мису Т., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Аннотация:	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Тира Мису

Неопытная пышка в постели мафиози

Глава

Неопытная пышка в постели мафиози

Аннотация:

Он проиграл в покер — и друзья в отместку подсунули ему горничной на месяц толстую деревенскую девчонку.

Он в ярости.

Он издевается, шпыняет, ждёт, что Даша сбежит через три дня.

Но она молчит, сжимает зубы и работает. А ещё — готовит так, что сносит крышу. И огрызается так метко, что мафиози впервые в жизни проникается уважением.

А потом и желанием.

Только вот неопытная пышка совсем не горит желанием прыгнуть к нему в постель...

Глава 1

Дарья

Я сжимала ручку потёртого чемодана так крепко, что у меня сводило судорогой пальцы. Перед глазами высилась чугунная решётка ворот — массивная, чёрная, холодная, как и всё в этом проклятом городе.

За ней — особняк. Не дом, а именно особняк: три этажа серого камня, огромные окна, от которых веяло неприступностью. Я глубоко вдохнула, пытаюсь успокоить дрожь в коленях.

Месяц. Всего месяц.

— Вы Дарья Макарова? — раздался мужской голос из домофона.

Я вздрогнула.

— Да. То есть... да, это я.

Замок щёлкнул и ворота медленно поползли в стороны. Я переступила порог, и мне показалось, что за спиной они захлопнулись с каким-то зловещим лязгом.

Мелодраматично? Может быть. Но когда тебя из деревни Малиновка выдёргивают в город к мафиози в качестве горничной за чужой карточный долг — мелодрама становится реальностью.

Дорожка к крыльцу была выложена светлой плиткой. Идеально чистая. Ни листика, ни пылинки. Я посмотрела на свои старые кроссовки и поморщилась — они оставляли грязные следы. Отлично. Первое впечатление: корова растоптала элитную дорожку.

Дверь распахнулась раньше, чем я успела до неё дойти.

На пороге стоял он. Мать-мать-мать...

Виктор Громов. Я видела фотографию в том письме, которое мне прислали вместе с контрактом (да-да, контрактом — как будто я подписывалась на работу в офисе, а не на месяц прислуживания бандиту). Но фотография не передавала главного: его "присутствия".

Высокий, не меньше метр девяносто, широкие плечи под чёрной рубашкой, закатанной по локоть.

Татуировки змеились по предплечьям — какие-то узоры, надписи, я не разглядела. Тёмные волосы коротко острижены, щетина на челюсти.

Лет тридцать пять, может, чуть больше. Лицо... резкое. Скулы, прямой нос, тонкие губы, сжатые в жёсткую линию.

И глаза.

Цвета горького шоколада, почти чёрные, они смотрели на меня так, будто я — кусок дерьма, который ему подбросили на порог.

— Макарова? — голос низкий, хрипловатый.

— Да.

— Заходи.

Он развернулся и ушёл в глубину дома, даже не взглянув, следую ли я. Я сглотнула, подхватила чемодан и поплелась за ним.

Внутри было... дорого. Мраморный пол, высокие потолки, люстра, которая, наверное, стоила как три моих годовых зарплаты, если бы у меня вообще была постоянная работа.

Виктор остановился в центре холла, скрестил руки на груди и посмотрел на меня сверху вниз. Долго. Слишком долго. Я почувствовала, как вспыхивают щёки.

— Сколько тебе?

— Двадцать три.

— Опыт работы горничной?

— Я... я убиралась дома, готовила...

— Дома, — повторил он с какой-то издёвкой. — В деревне Малиновка, верно?
Я кивнула. Сердце колотилось.

— Отлично, — он усмехнулся, но в этой усмешке не было ни капли веселья. — Значит, так, Макарова. Я проиграл тебя в покер. Точнее, я проиграл право выбрать себе прислугу на месяц. Мои "друзья", — он произнёс это слово так, будто оно оставляло во рту горький привкус, — а попросту твари, решили, что ты идеально подходишь.

Он обошёл меня по кругу. Я стояла, не шевелясь, чувствуя, как его взгляд скользит по моим бёдрам, заду, груди. Комок подступил к горлу.

— Ты толстая, — сказал он буднично, будто сообщал прогноз погоды.

Я жала кулаки, ногти впились в ладони.

— Я знаю.

— Неуклюжая?

— Нет.

— Посмотрим, — он остановился передо мной, заглянул в лицо. — Готовить умеешь?

— Да.

— Хорошо готовить?

— Очень хорошо, — я подняла подбородок. Пусть я толстая, пусть деревенская, но готовлю я лучше любого столичного повара. Это я знала наверняка.

Он хмыкнул.

— Увидим. Твоя комната на третьем этаже. Поднимешься сама или мне тебя тащить?

— Сама.

— Умница. Завтра в шесть утра — завтрак. В восемь — уборка. Список обязанностей на кухне, на холодильнике. Вопросы?

Миллион. Но я покачала головой.

— Нет.

— Тогда вали.

Он махнул рукой, словно отгоняя муху, и направился к лестнице. На первой ступеньке обернулся:

— И да, Макарова, если думаешь сбежать — не советую. Карточный долг — святое. Я выполню своё обязательство. А ты — своё. По бабкам не обижу, будешь в своей дыре жить припеваючи год, не меньше. Ясно?

— Ясно.

Он исчез за поворотом, а я осталась стоять в огромном холле, посреди чужого дома, с чемоданом в руке и камнем в груди.

А, да, и желанием убивать.

...

Комната на третьем этаже оказалась маленькой, но чистой. Узкая кровать, шкаф, окно с видом на сад. Я бросила чемодан на пол, рухнула на кровать и уткнулась лицом в подушку.

Месяц. Тридцать дней.

Слёзы полились сами собой — горячие, злые. Я плакала тихо, чтобы он не услышал. Чтобы не подумал, что я слабая.

«Ты толстая».

Да, я это знаю. Всегда знала. Сто десять килограммов при росте сто семьдесят. Грудь шестого размера, бёдра, от которых трещат джинсы, живот, который я прячу под широкими футболками.

Я не красавица. Я не стройная модель с обложки. Я — деревенская толстуха, которую притащили в город на потеху мафиози и его друзьям.

Но я не сбегу. Потому что он предложил мне баснословную сумму. Так я разом решу все свои проблемы: перекрою крышу, поставлю новый забор, отремонтирую хлев и проведу в дом канализацию.

Ради этого можно и потерпеть насмешки и издевательства.

Я вытерла слёзы, села на кровати и сжала кулаки.

Месяц — это не так долго. Я выдержу. Я буду убираться, готовить, делать свою работу. Буду молчать и терпеть. А потом вернусь домой и забуду этот кошмар.

Виктор Громов может идти к чертям.

Я легла, натянула одеяло до подбородка и закрыла глаза. Сон не шёл. В голове крутилось его лицо — холодное, жёсткое, с этими серыми глазами, которые смотрели на меня как на мусор.

Ничего. Я справлюсь.

Я должна справиться.

Глава 2

Дарья

Будильник на телефоне зазвенел в пять утра. Я подскочила, на секунду забыв, где нахожусь, потом вспомнила — и сердце ухнуло вниз.

Особняк. Виктор Громов. Месяц.

Я быстро умылась, заплела рыжие волосы в косу и натянула чистую футболку с джинсами. В зеркале на меня смотрела бледная толстая деревенская девчонка с красными от бессонницы глазами.

Отлично. Просто шикарно.

Кухня оказалась на первом этаже, в конце длинного коридора. Огромная, сверкающая хромом и мрамором. Техника последнего поколения — кофемашина, которая выглядела сложнее космического корабля, плита с сенсорным управлением, холодильник размером с мой сарай дома.

На дверце холодильника висел лист бумаги. Я сняла его, пробежалась глазами:

«Обязанности:

— Завтрак в 6:00. Кофе, яичница, тосты.

— Уборка: холл, гостиная, кухня, спальня на втором этаже.

— Обед в 13:00.

— Ужин в 19:00.

— Стирка по необходимости.

Замечания — немедленно исправлять.

Вопросы — не задавать».

Я скомкала листок, потом разгладила. Ладно. Завтрак. Я справлюсь.

Открыла холодильник — пусто. То есть совсем. Пара бутылок воды, несколько йогуртов с истекшим сроком годности и какой-то засохший сыр. Морозилка — полуфабрикаты, пельмени, замороженная пицца.

— Он что, вообще не ест дома? — пробормотала я, изучая содержимое холодильника.

Ну ничего, жизнь в деревне научила и не из такого жрать готовить. Пошукав, нашла десяток свежих яиц, хлеб в хлебнице, чёрствый, но ничего, съест и такой, масло.

Кофе — в шкафчике, дорогой, зерновой. Я справлюсь.

Через полчаса на столе стояли: идеально поджаренные тосты, яичница-глазунья с золотистыми краями, кофе...

Блин, я три раза перечитывала инструкцию к кофемашине, но разобралась. Всё аккуратно, красиво. Я даже салфетку сложила треугольником.

Ровно в шесть, секунда в секунду, Виктор вошёл на кухню.

Я стояла у плиты, вытирая руки о полотенце. Он окинул стол взглядом, потом меня. Молча сел, взял вилку.

Попробовал яичницу.

Я затаила дыхание.

Он медленно жевал с непроницаемым лицом, а потом отложил вилку.

— Пережарила.

— Что?

— Яичницу. Пережарила. Края сухие.

Я сглотнула.

— Я... я могу переделать...

— Не надо, — он отпил кофе, поморщился. — Кофе слабый.

— Я сделаю крепче...

— Забудь, — он снова взялся за вилку, и методично доел яичницу. Тосты. Допил кофе до дна.

Вытер рот салфеткой, посмотрел на пустую тарелку, потом на меня.

— В следующий раз постарайся готовить так, чтобы это можно было есть.

Я удержала маты зубами и моргнула.

— Но вы... вы же всё съели.

— И что? — он поднял бровь. — Я голодный. Это не значит, что готовишь ты хорошо, Макарова.

Встал, поправил манжеты рубашки.

— Уборку начинай с холла. Потом — моя спальня. Второй этаж, дверь слева.

Дверь хлопнула, и я осталась стоять у стола, глядя на его пустую, вылизанную, зараза, до блеска, тарелку.

Он съел всё. До крошки. И сказал, что пережарено.

Слёзы обожгли глаза, я яростно смахнула их, схватила тарелку и понесла к раковине.

Ничего. Завтра будет лучше.

К десяти утра я закончила с холлом и гостиной. Теперь оставалась спальня Виктора.

Я поднялась на второй этаж, нашла дверь слева. Постучала.

Тишина.

Постучала снова.

Ничего.

— Наверное, ушёл, — я толкнула дверь, она поддалась, и я зашла в спальню хозяина.

Спальня оказалась огромной. Кровать king-size с серым бельём, огромное окно во всю стену, минималистичная мебель. Пахло его одеколоном — терпким, дорогим.

Я вошла, оглядываясь. Порядок идеальный. Что тут вообще убирать?

И тут я услышала шум воды.

Душ.

Он здесь. В ванной.

Чёрт. Надо было уточнить, когда можно входить.

Я развернулась, чтобы уйти, и в этот момент дверь ванной распахнулась, и из неё вышел Виктор.

Гольый.

Абсолютно.

Капли воды стекали по его широким плечам, рельефным мышцам груди, прессу. Татуировки змеились по рёбрам, рукам — какие-то узоры, надписи, я не разглядела. Бёдра мускулистые, длинные ноги.

И между ног...

О боже.

Член. Огромный. Толстый. Стоял почти вертикально, тёмно-розовая головка блестела от воды. Красивый, идеально ровный, с выступающими венами.

Задница круглая, упругая, как два ореха.

Я застыла. Буквально застыла на месте, уставившись.

Виктор остановился и уставился на меня, лениво, без смущения.

— Макарова, — голос спокойный, насмешливый, — ты чего встала? Уборка сама себя не делает.

Он прошёл мимо меня к шкафу. Абсолютно спокойно. Гольый. Со стояком.

А я... я не могла пошевелиться, не могла отвести взгляд от этого образчика тестостерона. Меня бросило в жар, щёки полыхали, между ног текло, как с водонапорной башни у нас в деревне, и мои, безразмерного размера, хлопковые трусы намokли мгновенно.

Что со мной?

— Я... извините... я не знала... — я попятилась к двери.

— Не знала, что нужно стучать? — он обернулся, усмехнулся. — Или не знала, что у мужчин по утрам стоит?

Я открыла рот.

Закрыла.

Развернулась и выбежала из спальни.

За спиной раздался его низкий и довольный смех.

Я добежала до туалета и заперлась там, прислонившись спиной к двери и зажав рот ладонью.

— Г-г-го-о-о-оспо-о-о-д-д-и... — простучали мои зубы. — Господи ты Бо-о-оже-е мо-о-о-ой...

У меня никогда не было мужчины — кто же на такую позарится, даже в деревне, и я впервые видела живую мужской орган. И это было...

Моё сердце колотилось как бешеное, между ног пульсировало, и я сжала бёдра, пытаюсь унять это... это...

Желание.

Я хотела его.

Толстая деревенская дурочка хотела мафиози, который издевался над ней с первой секунды.

— Я ненормальная, —прошептала я сама себе, врубая воду в умывальнике.

Я умылась холодной водой, и глубоко подышала, пытаюсь успокоиться. Но каждый раз, когда закрывала глаза, видела его. Голого. С этим... членом.

Огромным. Красивым.

— Макарова! — его голос раздался откуда-то из коридора. — Обед не сам себя приготовит!

Я вздрогнула, выскочила из туалета и побежала на кухню.

Обед я готовила, пытаюсь не думать о том, что видела. Мои руки безбожно дрожали, и я порезала себе палец, когда чистила морковь, и чуть не уронила кастрюлю.

— Соберись, Даша. Соберись, чёрт возьми, — уговаривала я сама себя, — таких денег тебе больше никто и никогда не предложит.

Куриный суп получился хорошим, ароматным, наваристым. Я разлила его по тарелкам и поставила на стол.

Виктор вошёл ровно в час. Они был одет в чёрные джинсы, белую футболку, его влажные волосы были зачёсаны назад.

Сел. Посмотрел на меня.

Я отвела взгляд.

— Что-то случилось, Макарова?

— Н-нет.

— Нет? — он усмехнулся. — А почему ты красная, как помидор?

— Я... просто жарко на кухне.

— Ага. Жарко, — он попробовал суп.

Ничего не сказал. Ел. Ложка за ложкой. Доел до дна. Взял хлеб, вытер миску. Отодвинул пустую тарелку.

— Пересолила.

Я хлопнула глазами.

— Что?

— Суп. Пересолила. Учись дозировать соль, Макарова.

— Но вы... всё съели...

— Я голодный, — он пожал плечами. — Это не значит, что ты хорошо готовишь. Встал. Подошёл ко мне. Близко. Слишком близко.

Я попятилась, спиной уперлась в столешницу.

Он наклонился и заглянул мне в глаза.

— Ты сегодня какая-то... нервная. Может, утром что-то напугало?

Моё лицо полыхнуло кумачом.

— Нет.

— Нет? — он усмехнулся. — Странно. А мне показалось, ты очень внимательно на меня смотрела.

— Я не...

— Не смотрела? — он склонил голову набок. — Макарова, если хочешь ещё раз посмотреть — просто скажи. Я не против.

Я открыла рот, но из горла вырвался только сдавленный писк.

Он рассмеялся, отстранился.

— Ладно, не мучайся. Иди убирайся. И да, — обернулся в дверях, — в следующий раз стучи, прежде чем врываться.

Дверь закрылась.

Я осталась стоять, вцепившись в столешницу, с бешено колотящимся сердцем.

Он издевается. Специально.

К вечеру я вымоталась окончательно. Убирала, стирала, гладила его рубашки. Всё время пыталась не думать о том, что видела утром. Не получалось.

На ужин я сделала картофельное пюре и котлеты.

Виктор съел всё — две котлеты, горку пюре, салат. Вытер тарелку хлебом.

Отложил вилку.

— Сухие.

Я молчала.

— Макарова, ты меня слышишь?

— Слышу.

— Завтра постарайся приготовить нормально. А то я начну думать, что мои друзья специально нашли самую бездарную деревенскую толстуху.

Я сжала кулаки под столом.

— Я стараюсь.

— Недостаточно, — он откинулся на спинку стула. — Может, тебе это не по силам? Можешь уйти, Макарова. Никто не держит.

Вот оно.

Он хотел, чтобы я сбежала.

Я подняла голову, посмотрела ему в глаза.

— Я не уйду.

— Уверена? — он усмехнулся. — Ты не справишься. Ты бездарность, Макарова.

Я вспыхнула.

— Я справлюсь.

— Посмотрим, — он встал. — Спокойной ночи, Макарова. И постарайся больше не врываться в мою спальню. Хотя... — его взгляд скользнул по моему телу, — если очень хочется — предупреди заранее.

Он ушёл.

Я осталась сидеть, дрожа от злости и... чего-то ещё. Чего-то жаркого, неприличного...

Ночью я лежала в кровати, уткнувшись лицом в подушку.

Плакала. Тихо.

Тридцать дней. Он думает, я не выдержу тридцать дней.

Но я выдержу.
Я буду готовить, убираться, терпеть его издевательства.
Потому что я не сдаюсь.
Никогда.
Толстухи не сдаются.
Я вытерла слёзы и повернулась на бок.
И почувствовала, как рука сама скользнула вниз, между ног.
Нет. Нет, это неправильно.
Но образ его тела — голого, мокрого, с этим огромным членом — не давал мне покоя.
Я застонала в подушку, пальцы скользнули внутрь.
Господи, что я делаю?
Но остановиться уже не могла.
Как я отрубилась, взмочаленная и потная, я не помнила...

Глава 3

Дарья

Прошла неделя.

Семь дней ада, придирок и его насмешек. Семь дней, когда я вставала в пять утра, готовила, убиралась, стирала и снова готовила. Семь ночей, когда я плакала в подушку, а потом... делала то, чего стыдилась сама.

Но я держалась.

Виктор всё ещё придирился. Всё ещё съедал всё до крошки, а потом говорил, что пересолено, недосолено, пережарено, сыро. Всё ещё называл меня «деревенской толстухой». Всё ещё ждал, когда я сломаюсь и сбегу.

Но я не собиралась доставлять ему такое удовольствие.

Сегодня я решила приготовить настоящий деревенский обед.

Не эти его пельмени и пиццу, а нормальную еду. Я попросила денег на продукты и он молча выдал карту, буркнув: «Только без глупостей», съездила на рынок и накупила всего: свежее мясо, овощи, зелень, сметану, муку, яйца, чеснок.

Я готовила борщ с пампушками и блины. Настоящий, наваристый, с мозговой косточкой, с фасолью, с томлёной свёклой. Запах стоял такой, что у меня у самой слюнки текли. К борщу — пампушки с чесноком. И на второе — голубцы, как мама делала.

Я крутилась на кухне, напевая себе под нос. Впервые за неделю я чувствовала себя... собой. На кухне я была дома. Здесь я знала, что делаю.

Громов

Я сидел в кабинете, пытаюсь работать, но запах с кухни сводил с ума.

Борщ. Настоящий борщ. Не тот, что подают в дорогих ресторанах — выхолощенный, безвкусный. А такой, какой готовила моя бабка в деревне, когда я был пацаном. До того, как всё покатило к чёрту.

Я отложил бумаги и пошёл на кухню, якобы за водой.

Макарова стояла у плиты, спиной ко мне, что-то напевала себе под нос и помешивала борщ деревянной ложкой.

И я... замер.

Раньше я видел в ней только толстую деревенскую девку, которую мои дебилы-друзья подсунули мне в отместку за выигрыш. Бесформенную, неуклюжую, нелепую.

Но сейчас...

Солнечный свет из окна падал на её волосы, и они горели. Огненно-рыжие, выбившиеся из косы пряди, вились у шеи, у висков. Не крашенные, натуральные. Густые, тяжёлые. Я вдруг представил, как распускаю эту косу, запускаю пальцы в эту гриву...

Какого чёрта?

Она повернулась за солью, и я увидел её профиль. Огромные зелёные глаза с пушистыми ресницами. Аккуратный нос. Пухлые губы. Кожа — белая, чистая, с лёгким румянцем от жара плиты.

Красивая.

Чёрт возьми, она была красивой.

Как я раньше не замечал?

Она двигалась легко. Грациозно. Несмотря на вес, в ней не было ничего неуклюжего — наоборот, плавность, мягкость.

Она тянулась за специями, наклонялась к духовке, поворачивалась, и всё это делала с какой-то природной лёгкостью. Никакой одышки, никакой тяжести.

Я смотрел на её фигуру — пышную, женственную. Широкие бёдра, тонкая (относительно) талия, роскошная грудь, обтянутая старой футболкой. Округлые плечи, мягкие руки.

И вдруг я поймал себя на мысли: какая она на ощупь? Мягкая? Тёплая? Как бы она выглядела без этой дурацкой футболки?

Стоп. Я проморгался и мотнул головой.

— Макарова.

Она вздрогнула и обернулась. Увидела меня, и щёки сразу залились краской. С того утра в спальне она каждый раз краснела, когда я входил в комнату.

Мне это нравилось.

— Виктор Игоревич. Обед ещё не готов, через полчаса...

— Я за водой.

Я подошёл к холодильнику, достал бутылку. Но не ушёл, а остался стоять и смотреть, как она помешивает борщ.

— Что готовишь?

— Борщ. И голубцы.

— Деревенская стряпня.

— Да, — она вскинула подбородок. — Деревенская. Невкусная, наверное.

Я хмыкнул. В её голосе впервые прозвучал вызов.

— Посмотрим.

Я ушёл, но в дверях обернулся. Она снова стояла спиной ко мне, у плиты, свет играл в её волосах, но мой взгляд скользнул ниже...

— Вот это ж... — я осёкся, увидев, как напряглись её плечи. — ... ж-жара тут у тебя.

Я — дибил.

А она — красивая.

Я тряхнул головой и пошёл в кабинет.

Соберись, Громов. Это просто толстая горничная.

Но мысль уже засела в голове. И не желала уходить.

Дарья

Обед был готов ровно к часу.

Я накрыла на стол: тарелка дымящегося борща, рядом — пампушки с чесноком, посыпанные зеленью. Сметана в отдельной розетке. Голубцы — пухлые, аппетитные, политые томатным соусом.

Виктор вошёл, сел. Посмотрел на стол.

Я приготовилась к очередной порции придинок.

Он взял ложку. Зачерпнул борщ. Поднёс ко рту.

Попробовал.

И замер.

Я затаила дыхание.

Он зачерпнул ещё. И ещё. Молча. Быстро. Будто боялся, что отберут.

Доел тарелку. Потянулся за пампушкой, обмакнул в сметану, откусил.

Я смотрела, не дыша.

Он доел голубцы. Подобрал соус пампушкой. Откинулся на спинку стула.

Молчал.

— Ну? — не выдержала я. — Пересолено? Переварено? Сыро?

Он посмотрел на меня. Долго. Странно.

— Нет.

Я моргнула.

— Что?

— Нет, — повторил он. — Вкусно.

Я остолбенела. За неделю — впервые. Первое «вкусно».

— П-правда?

— Не заставляй меня повторять, Макарова, — он отвёл взгляд и нахмурился. — Просто... нормально. Съедобно.

Но я видела. Видела, как он смотрел на эту еду. Как ел. Это было не «нормально». Это было «божественно».

И впервые за эту неделю я улыбнулась.

И заметила, как его взгляд скользнул по моим губам. По шее. Опустился ниже.

Что-то изменилось в его лице. Глаза потемнели.

Я снова покраснела.

— Я... я уберу посуду.

Я потянулась за его тарелкой, наклонилась, и наши руки случайно соприкоснулись.

Электрический разряд снова прошиб меня до трусов, и я отдернула руку, чуть не уронив тарелку.

Виктор оставил руку там, где она была и молча смотрел на меня. Пристально. Без обычной насмешки.

— Макарова.

— Д-да?

— Добавки есть?

Громов

Я смотрел, как она суетится у плиты, накладывая мне вторую порцию борща.

И не мог отвести взгляд.

Эта улыбка. Когда я сказал «вкусно» — она улыбнулась. И всё её лицо преобразилось. Засияло. Глаза стали ещё больше, ещё ярче. Ямочки на щеках.

Чёрт.

Я не должен был так на неё смотреть. Не должен был замечать, как красиво она двигается. Как выются эти рыжие пряди. Как обтягивает футболка её грудь, когда она тянется к полке.

Не должен был думать о том, какая она на вкус.

Но думал.

Она поставила передо мной тарелку. Снова наклонилась, и я уловил её запах. Не духи, не дезодорант. Просто... она. Тёплая, чистая, с лёгкой ноткой ванили и чеснока от готовки.

Мне захотелось притянуть её к себе. Прямо здесь, на кухне. Уткнуться лицом в эту шею. Распустить эту чёртову косу.

Какого хрена со мной происходит?

Я — Виктор Громов. У меня были женщины. Красивые, стройные, ухоженные. Модели, актрисы, светские львицы.

А сейчас я сидел и ходил с ума по толстой деревенской горничной, которую проиграл в покер.

Это было нелепо. Абсурдно.

И я не мог остановиться.

— Макарова, — сказал я, глядя в её зелёные глаза. — Завтра приготовь то же самое.

Она моргнула.

— Борщ?

— Всё. Весь этот деревенский набор.

Она улыбнулась, и снова эта улыбка, от которой у меня что-то сжалось в груди.

— Хорошо, Виктор Игоревич.

Я доел вторую тарелку, встал и ушёл в кабинет.

Сел за стол. Уставился в бумаги.

И понял, что не могу сосредоточиться.

Перед глазами стояла она. Рыжая. Зеленоглазая. Улыбающаяся.

Это плохо. Это очень плохо.

Глава 4

Дарья

Первый этаж я убрала за полтора часа. Холл, гостиная, кухня — всё сверкало. Оставалась только ванная комната в конце коридора.

Я катила перед собой ведро с тряпками и моющими средствами, мурлыча себе под нос какую-то песенку.

После вчерашнего «вкусно» настроение было почти хорошим. Виктор сегодня даже не придирался к завтраку, съел всё молча, буркнул что-то вроде «нормально» и ушёл в кабинет.

Может, привыкаю? Может, всё не так страшно?

Я толкнула дверь ванной, влетела внутрь, и забыла, зачем пришла вообще...

Виктор стоял у зеркала.

Гольй.

Точнее, почти. Белое полотенце низко обернуто вокруг бёдер. Капли воды блестели на широких плечах, на мускулистой спине.

Он брился станком, неторопливо, проводя по намыленной щеке. В зеркале отражалось его лицо, сосредоточенное, и тёмные глаза, которые тут же нашли мои.

Я задохнулась.

— Я... простите... — пролепетала я, пятясь. — Я думала, ванная свободна... Вы же... вы у себя, на втором этаже...

Он медленно повернулся ко мне. Полотенце опасно сползло на бёдрах.

— Макарова, — голос ленивый, с насмешкой, — я у себя дома. Где хочу — там и моюсь.

Я вспыхнула. Жар поднялся от шеи к щекам, к ушам. Я знала, что покраснела до корней волос.

— Я... я зайду позже...

Но ноги не слушались. Я стояла, вцепившись одной рукой в дверной косяк, не в силах ни уйти, ни отвести взгляд от его тела.

А он это заметил.

Уголок его губ дёрнулся. Он отложил станок на раковину, не сводя с меня глаз.

И вдруг — медленно, нарочито — потянул за край полотенца.

Оно соскользнуло на пол.

Я ахнула.

Он стоял передо мной абсолютно голый. Длинные мускулистые ноги. Узкие бёдра. Плоский живот с дорожкой тёмных волос, ведущей вниз. И там...

Член. Который я уже видела однажды. Огромный, тяжёлый, сейчас полувозбуждённый, нависающий между бёдер.

Я должна была уйти. Развернуться и убежать. Закрыть дверь и сделать вид, что ничего не было.

Но я не могла пошевелиться.

Виктор смотрел мне прямо в глаза. И медленно, очень медленно опустил руку вниз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.